

АДСКИЙ РАЙ

ПОВЕСТЬ

*И закрывши Его, ударяли
Его по лицу и спрашивали
Его: прореки, кто ударил
Тебя?*

Евангелие от Луки,
22:64

Однажды, когда жить стало совсем невмоготу, я, по совету моего старшего приятеля, отправился вместе с ним в самое последнее место на всем белом свете — в Sozialamt, где выдают на пропитание нищим и дают кров бездомным.

По пути, когда я тщетно пытался собраться с мыслями, он учил:

— Ты должен им доказать, что у тебя ничего нет.

— А чего тут доказывать?.. Это же ясно.

— Нет, это надо доказать. В то же время надо также обязательно сказать, что это — временные трудности. Ты понял — временные! Потому что если это навсегда — то они откажут. В общем, знаешь, что говорить?

— Знаю. Всю правду. Это самое убедительное, что я могу им рассказать.

— Посмотрим, хуже не будет.

— Да уж куда хуже, — усмехнулся я, и крест потяжелел на моем плече.

Припарковав машину на крыше одного из торговых домов, он тщательно запер ее, пробормотав:

— Nun gehen wir! — (Будучи русским, он уже 25 лет жил в Германии и иногда вставлял в русскую речь немецкие слова.) — Теперь идем!

И мы пошли. Идти нам было сквозь три этажа, забытых людьми и товарами, но я всего этого не видел, обдумывая предстоящую встречу и вновь перебирая аргументы, каждый из которых был, к сожалению, правдой. Но какое все это могло иметь значение для чиновника из германского ведомства? Я был уверен, что все это впустую, что он скажет: «Да катитесь вы себе домой и решайте там свои проблемы!» — и будет прав.

— Нет, не так, — ответил приятель, когда я поделился с ним этой нехитрой мыслью. — В Германии это не так. Каждый, кто находится на ее территории, не имеет права бродяжничать и голодать. По Конституции так. И поэтому, если ты докажешь, что ситуация критическая, они помогут. Как-нибудь помогут. Что-нибудь дадут. По Конституции так.

— По Конституции? — искренне удивился я. Для меня Конституция всегда была лишь книжечкой красного цвета с серпом и молотом в обрамлении колосков, не более того.

— Так точно.

А если я иностранец?..

— Все равно.

— Тогда толпы прибегут.

— Во-первых, уже бегут. Во-вторых, они, чиновники, смотрят на человека — кто он, чем он тут занимается, какая у него виза, почему у него проблемы и так далее. Это, конечно, все не так просто, потому что многое зависит от самого чиновника — какой он человек. Если хороший — пойдет навстречу, если сволочь — то откажет, а немецкие законы такие развесистые, что в них всегда можно найти и «да» и «нет» — смотря как, где и зачем искать. Но ты не бойся!.. Я поддержу тебя. О, я умею говорить с чиновниками!.. Притом не забывай — у тебя же контракт, ты работаешь тут официально. А жена с ребенком приехали к тебе, потому что, опять-таки по Конституции, семью нельзя разлучать, семья должна быть вместе. Что у твоей жены в паспорте стоит?.. Какой штампель? Familienzusammenführung? Воссоединение семьи? То-то! Ничего, все будет хорошо. Ты только начни, я уж помогу. Ведь надо помогать друг другу. Мне тоже много, очень много помогли. Я знаю, что это такое. Мы знаем. Когда мы с женой приехали, я уже через месяц учился, а потом, когда кончил университет, сразу получил место в налоговой инспекции...

«Левий Матфей, сборщик податей...» С такими мыслями тащился я по первому этажу, через парфюмерию, отражаясь в зеркалах и овеиваясь сладкими, как мирра, и тошнотворными запахами. Я физически ощущал тяжесть креста, тянуло согнуться и поползти.

—...твое счастье, что я уже на пенсии, а то не было бы времени ходить. Вон, прямо, видишь то здание? Это там, — указал мой проводник.

Здание было большое и белое, и от этого стало особенно мутрно на душе.

У лифтов молчаливые люди. Толстая женщина, старичок в панаме, парочка желтолицых луковок и один сплошь зататуированный молодой человек, у которого от глазниц по лбу, по скулам и дальше, по шее, расходилась синяя татуировка. Видно, он весь был покрыт ею. Он курил, остальные старались не смотреть на него, хотя, может быть, он как раз таки рассчитывал на обратное, когда уродовал себя, превращаясь из божьего создания в чертову куклу.

Вскоре мы уже ехали в лифте и слышали, как в тишине желтолицая луковка говорит что-то на ушко своей спутнице, а та деревянно хлопает своими непроницаемыми китайскими глазами.

Миновав подъем на Лобное место, мы оказались в коридоре, где возле каждой двери висели таблички с буквами алфавита. Когда мы подошли к нужной нам двери, я прочел: «Herr Schwan».

— Это он, господин Лебедь. Я вчера с ним по телефону разговаривал. С Богом! — сказал приятель, а я размеренно стукнул три раза в дверь, как стучат гробом о притолоку, когда выносят в последний путь.

— Войдите!

Голгофа выглядела буднично: шкафы, компьютеры, письменный стол с безделушками, фото по стенам, а за столом — внимательный человек с безукоризненным пробором. В открытые двери справа и слева виднелись еще столы и были слышны голоса.

Не знаю, чувствовал ли Он стыд, когда с Него стаскивали одежду, прежде чем водрузить на крест, но у меня возникло ощущение, что я у врача, где надо сейчас обнажать свои язвы перед молоденькими студентами-практикантами.

— Добрый день, это я беспокоил вас вчера по телефону по поводу нашей встречи, — сказал приятель, приглаживая бобрик.

— Добрый день, садитесь, слушаю.

— Вот это по вопросу моего друга, — он указал на меня. — Он работает в Академии, он художник...

Г-н Лебедь протянул мне руку. Я представился.

— Расскажите, пожалуйста, в чем дело.

— Уже скоро пять лет, как я живу и работаю по контракту в Германии. Но вся проблема в том, что как почасовик и иностранец я ограничен в часах...

Г-н Лебедь едва заметно кивнул.

— Конечно, всегда были проблемы с деньгами, но раньше я как-то справлялся сам — иногда частные уроки, иногда продавал картины...

Тут приятель с почтением в голосе произнес:

— Сам бургомистр открывал выставку его работ!.. Он очень, очень хорошо рисует. И он никогда никого не беспокоил раньше...

Г-н Лебедь шевельнул бровью, давая понять, что замечание зафиксировано. Я продолжал:

— Но теперь приехала семья, и стало трудно. Пришлось снимать еще комнату, новые расходы, ребенок...

(— Временные расходы, у кого не бывает, — вставил приятель.)

—...И теперь я даже не знаю, что и делать... — искренне признался я, чувствуя солоноватый вкус во рту. Наполовину я уже был на кресте.

— Его жена тоже подрабатывает, — опять вставил приятель, — я нашел ей кое-что через Красный Крест, там — вы, конечно, знаете, — можно зарабатывать до пятисот марок без разрешения на работу. Но вы представьте: она врач со стажем, а должна делать такую тяжелую работу...

Г-н Лебедь шевельнул другой бровью.

— Вот, скоро будет выставка моих работ в ратуше, — утирая лоб, продолжил я, вытаскивая из портфеля брошюрку с программой. — Может, что-нибудь продается.

— Г-н Лебедь, я только хочу сказать, что я давно знаком с этой семьей и вижу, что сейчас им нужна небольшая поддержка. На время. Временная поддержка.

Г-н Лебедь поднял обе брови.

— Может, лучше показать бумаги? — спросил я.

— Покажите. Только вначале паспорт.

Он внимательно изучил визы, причем я подсказывал:

— Видите, я всегда продлеваю на год... А вот договор из Академии, на основании которого продлеваются визы, — протянул я бумагу.

Он прочел договор.

— Вот справка из бухгалтерии.

Он прочел и справку. В это время из другой комнаты появился какой-то тип, встал у стола и принялся слушать, просматривая вслед за г-ном Лебедем бумаги.

— Медицинскую страховку он сам платит, за квартиру тоже, за услуги, за все, а что он получает?.. Вы же знаете, какие дорогие сейчас квартиры!.. Вот видите!.. Но вы, я уверен, во всем разберетесь, вы лучше знаете законы! — юлил приятель.

— Еще несколько работ продал в прошлом году, — вспомнил я, — а сейчас что-то не продается... Вот квитанция из банка, на текущем счету — 1 марка 49 пфеннигов...

— Так бывает, ничего... — утер мне смертный пот Левий Матфей.

Г-н Лебедь внимательно прочел квитанцию, а стоящий у стола человек внезапно попросил паспорт жены. Взглянув в него, он сказал:

— Ничего сделать не можем.

— Почему? — напрягся приятель.

— По гостевым визам социальная помощь не полагается, — поднес он вместо воды уксус.

Г-н Лебедь молчал.

— Да вы посмотрите, что в визе написано! — приподнялся со стула приятель.

— Familienzusammenführung! Воссоединение семьи! Это совсем не гостевая виза!

— А если так — то почему у нее виза только на три месяца? — не унимался человек.

— Потому что так всем дают, а тут надо продлевать дальше, — ответил я через силу, чувствуя, что развязка близка.

— Хм, — покачал тот головой, взял паспорта и ушел, а г-н Лебедь собрал все бумаги и, повернувшись к маленькому ксероксу, начал снимать копии.

В комнате стояло молчание.

— У вас есть налоговая карточка? — спросил г-н Лебедь, не оборачиваясь.

— Откуда? Вы же видели справки, сколько он получает? — поспешно ответил за меня приятель. — Какие с этого налоги?.. Чтобы умереть — много, чтобы жить — мало, вот какое положение. Но вы, я уверен, разберетесь. Ведь не может же человек нищенствовать, голодать и бродяжничать!.. Ведь это даже по Конституции так!

Тут г-н Лебедь повернулся и впервые в открытую посмотрел на него, непонятно покачав головой:

— Конституцию мы знаем...

В этот момент вошел другой, положил паспорт на стол и развел руками:

— Не знаю.

— Надо подумать, — сказал г-н Лебедь. — Вы не возражаете, если я запишу ваш рассказ?

— В каком смысле? — опешил я, но приятель поспешил пояснить:

— Ты должен написать заявление, но г-н Лебедь так любезен, что хочет помочь тебе.

— А, конечно!..

Набросав что-то на листе, г-н Лебедь развернул бумагу ко мне:

— Подпишитесь!

Я прочел. В десяти фразах было сжато обрисовано мое положение. Я подписался.

— Надо подумать, — повторил г-н Лебедь. — Приходите через неделю. Мы думаем.

— Огромное спасибо, мы очень, очень благодарны, всего хорошего, до свидания, — стал прощаться приятель. — Auf Wiedersehen! До свидания! Всего доброго, всего самого наилучшего!

И мы пошли.

Спуск с Лобного места был легче подъема. Идя по ступенькам с седьмого этажа, как с седьмого неба, я чувствовал себя свободно. Но голос моего спутника вернул меня на землю:

— Это хорошо, что они оставили бумаги. Если бы хотели отказать — то отказали бы сразу, не тянули бы.

— Второй тип хотел.

— Да, но я его отбрил! — приосанился приятель. — Ты понял теперь, что значит эта формулировка — воссоединение семьи?.. Это очень, очень важно. Это сыграло свою роль, поверь! Это для немцев святое!

Так шли мы к машине, и запахи парфюмерии показались мне теперь душистыми, как ладан, и я даже решил на минутку свернуть в отдел электроники, чтобы полюбоваться на черно-мерцающий AKAI, на котором так хорошо слушать «Доорз», когда натягиваешь холст на подрамник и готовишь краски.

Через три дня, в среду утром, раздался телефонный звонок:

— Доброе утро! Говорит Лебедь! С кем я говорю?.. Очень хорошо. Скажите, пожалуйста, кухня у вас отдельная или есть соседи?..

— Отдельная.

— Большое спасибо, больше вопросов нет. Приходите в пятницу утром, мы вас ждем. До свидания! — И он повесил трубку.

Я тотчас же перезвонил приятелю. Тот удовлетворенно хмыкнул:

— Это отлично.

— Почему?

— Потому, что если б они хотели отказать — то зачем им было бы узнавать, какая у тебя кухня?.. Klar?.. Logisch?.. Ясно, логично? Подождем до пятницы.

2

В пятницу мне стукнуло сорок. Стараясь не думать о традиционных в таких случаях вопросах, я в одиночку отправился в Sozialamt. Бездумно радуясь солнцу и забыв о том, что все порядочные люди в моем возрасте или лежат в могиле, или твердо стоят на ногах, шел я к белому зданию. Крестной ноши не было и в помине.

Около лифта — молчаливая группка людей. Наверняка этот лифт, в отличие от других собратьев, слышал больше вздохов, чем смеха. Я занял свою четверть кубометра и поехал наверх, пристально разглядывая гордое слово *THYSSEN* на серебряной табличке, и рядом цифру — **№ 1 907 686**

«Это надо же!..» — подумал я, и вдруг представилось: тысячи кабинок разбросаны по пустыне: льдистая сталь на желтом песке, под ярким небом. И на каждой кабине — блик солнца!.. Объект почище Эйфелевой или Рейхстага в фольге... Перфоманс, прямая передача из Сахары, «Смерть в песках», все без подвоха, live. Кабинки набиты людьми и разбросаны в раскаленных песках, люди в агонии умирают внутри, царапая красные от жара стенки, а полоумный художник, автор перфоманса, мечется среди кабинок, тщетоно пытаясь открыть стальные дверцы и ужасаясь своему замыслу. Но не тут-то было — сталь крепка, броня надежна!.. В кабинках микрофоны и телекамеры, в галерее — динамики и мониторы. Можно пить вино с красивыми женщинами и наблюдать за акцией-агонией, мысленно радуясь, что не тебе мучаться в горящих песках. И цель перфоманса достигнута.

Когда я вошел, г-н Лебедь сидел за столом. Справа и слева от него, как в Троице, стояли молодая женщина и тот тип, что был в прошлый раз. Они что-то обсуждали и при моем появлении замолкли.

— Садитесь! — пригласил г-н Лебедь. — Мы рассмотрели ваше дело. И решили дать вам вот это. — Он пододвинул невзрачный листок серой бумаги. С одной стороны шел текст, с другой клубились столбики цифр.

— Что это? — взял я бумагу. Перевернул, увидел новые цифры, с которыми всегда был не в ладах.

— Давайте, я объясню. — И г-н Лебедь, взяв листок, начал миролюбиво указывать карандашом на цифры: — Вам — 519 марок. Жене — 415. Сыну — 467. За квартиру — 550, итого на руки выходит 1 485. Вот, распишитесь.

— Огромное спасибо, вы очень помогли, — в замешательстве поблагодарил я. Положив ручку, я не знал, что делать дальше.

Двое из-за спины г-на Лебеда наблюдали за мной.

— Обычно деньги получают на пятом этаже, чеком, до каждого третьего числа, по этой бумаге, — сказал он дальше.

— Как это — до каждого?.. Разве это не все?.. — удивился я.

— Как это все?.. — удивился, в свою очередь, он. — Это же все ежемесячно. Мо-nat-lich! — подчеркнул он по складам. — Плюс отдельно проезд во всех транспортах, медицинская страховка, лечение, курорты, деньги на одежду и т.д. — все перенимает государство. Поздравляю вас!

Отупев, я сидел вполоборота. Подобного я не ожидал. Постепенно до меня начало доходить: «Ежемесячно!..»

— И... до... когда все это?.. — пробормотал я в растерянности.

— Пока вы в Германии.

— Полторы тысячи? В месяц? Но это же спасение! — подумал я вслух, когда, наконец, до меня окончательно дошел смысл происходящего. Я вертел листок, глазам своим не веря. Это же выход из тупика!

Женщина улыбнулась и вдруг стала похожа на светлого ангела, а другой тип — на доброго архангела.

— Я рад, очень рад, — склонил голову с ровным пробором г-н Лебедь. Он-то уж точно был Бог Отец. — Можете теперь работать. Мне понравились ваши картины, хоть я и видел немного и только в снимках, которые вы показывали тогда. Если уж кому и помогать, так таким, как вы... Работайте спокойно!

— Да, да, конечно, а что же еще?.. — горячо подтвердил я. — И первая картина — ваша!

— Согласен! — улыбнулся г-н Лебедь. — Только занесите, пожалуйста, поскорее справку из школы сына, копии счетов за квартиру и договор из Академии, чтобы мы могли оформить бумаги. Кстати, когда у вас истекает виза?

— Через месяц. Но я продлю ее, это не проблема.

— Ну и отлично. А этот листок не потеряйте, он важен, по нему вы будете получать деньги.

— Нет, нет, ни за что не потеряю, — заверил я, бережно складывая невзрачный листок, который казался сейчас важнее всего на свете.

Заметив это, ангел улыбнулся, суровый архангел осклабился, а Бог Отец корректно кивнул:

— Всего доброго!

Ошарашенный, не дожидаясь лифта, я поднимался по лестнице так легко, словно шел под гору. Будоражили картины жизни. Значит, не надо больше бояться конвертов с гербами. Не надо с ужасом ожидать начала месяца, робко входить в банк или мысленно пересчитывать мелочь перед кассой. Не нужно давить ногами тюбики, чтобы извлечь остатки краски. Можно не коситься с опаской на ценники в магазинах и не менять подрамники на обеды, а кисти — на ужины: купишь одно — нет другого, съешь тут — останешься голодным там.

Возле двери со скромной дощечкой **Kasse** топталась черная до синевы негритянка с огромным задом. Она не решалась постучать. Какой-то тощий тип, явный морфинист, полулежал в кресле с дымящейся сигаретой в зубах. Больше в коридоре никого не было. Я жестом спросил негритянку, ждет ли она. Она неопределенно качнула курчавой головой, белки глаз вспыхнули и погасли. Постучал. Касса!..

После короткого «да» я очутился в комнате. За стойкой — девушка. Я подал заветный листок. Она молча прочла его и попросила паспорт. Его не было.

— Вы в первый раз? — спросила она внимательнее.

— В первый.

— Надо иметь паспорт, — внушительно заметила она.

— Буду иметь. Но вот медицинская карточка. Можете мне поверить. Кстати, сегодня мой день рождения. Видите, там, в листке, стоит. Я не обманываю.

Она качнула головой и, выписав чек, просунула его вместе с листком под стекло:

— Поздравляю! И желаю всего хорошего! В следующий раз не забудьте паспорт!

— Спасибо, не забуду, — с легким сердцем ответил я, даже не думая о том, что принимать поздравления тут, в этом месте — не самое счастливое, что может быть в сорок лет у нормального человека. Но в эмиграции, к сожалению, свое время и свой отсчет.

— Деньги можете получить в любой сберкассе, — улыбнулась она на прощание. Эта информация почему-то была особо приятна.

В коридоре я вновь встретился с негритянкой.

«И как это некоторые люди могут не любить негров?.. Ведь они такие же, как мы!..» — от избытка чувств думалось мне, хотя на самом деле я уже мечтал о

другом: краски, холсты, рамы — можно, наконец, что-то делать, выйти из простоя. Жизнь пытается dokonать, добить художника, а он борется с ней своим особым оружием. И можно даже одерживать большие победы, хотя бывает, что никто, кроме тебя, их не замечает вовсе.

В лифте я ехал с двумя старушками в платках. Таких старушек тут все называют babuschka и знают, что они из казахстанской бесконечной степи, куда их заслал великий Йозеф Сталин на беду нынешним немцам. Та, что посуше, потемнее и поморщинистее, шептала другой по-русски:

— Вот, а раньше-то эта Валя в колхозе городского типа жила, в ассенизации работала, вот...

— Это навоз по полям кидать или дерьмо из ям качать? — уточнила другая.

— Навоз кидать. А теперь вот сюда приехала, в Дюссельдорфе с дочерью и сыном. Им на проспекте квартиру дали, а дочь чегой-то недовольна, шумно очень, говорит, другую квартиру теперь ищут...

— А фамилии ихние как? Может, я знаю?

— То ли Вольфы, то ли Гольфы.

— Нет, не слыхала, — поджала губы babuschka, исподтишка зыркнув по мне быстрым взглядом.

— И где это еще колхозы городского типа остались? — весело спросил я, представляя себе бабу в сапогах, по колено в навозе, которая теперь гуляет по дюссельдорфским проспектам и чем-то еще недовольна.

Одна ойкнула, а другая храбро ответила:

— А вот под Акмолой. Дома большие, и клуб есть.

— Передайте Вале большой привет.

— Как же!.. — недоверчиво поджала губы старушка.

Между babuschka'ми сверкнуло — THYSSEN.

«О Тиссен!.. — подумал я. — Великий Тиссен, друг Порше и Опеля, брат Сименса и Круппа!.. Двигатель цивилизации, оплот прогресса!.. Ты все вынес на своих стальных могучих плечах!.. Возил кайзеров и фюреров, канцлеров и гитлеров!.. Был со своей родиной и в горе, и в радости!.. Отстоял в Нюрнберге и пробил Стену!.. Проложил рельсы и воздвиг вышки, протянул провода и пустил ток, чтобы всем было светло и тепло!.. Даже этой бабушке в чепце!.. Даже какой-то Вале-ассенизатору!.. И даже мне, грешному!.. Ты щедр и широк!.. Хвала тебе, великий и терпеливый!..»

Внезапно лифт заурчал, задрожал и остановился. Я нутром почувствовал вибрацию стен. Старушки притаились.

— Сейчас поедет! — храбро заверила babuschka, та, что посуше. — Видать, не ту кнопку нажали где-то...

Вторая кивнула:

— Бывает. Народу-то сколько!..

И правда — лифт, постояв как бы в задумчивости, пошел дальше. А внизу — та же тихая толпа: тип в татуировке, луковые маковки китайцев, три толстые негритянки, явные сестры той, что наверху, женщина с коляской и тощий морфинист, и блеклая девица с синей розой на голом плече. Лифт покорно подобрал всех, с кряхтением закрылся, громыхнул чем-то и безропотно пошел вверх.

Надо ли говорить, как весел был я?.. Камень отвален, и можно выйти из пещеры в шум человеческого приboя, из темноты — на яркий свет, окунуться в кипяток огня. Черно-белые стены пещер холодны, а свет глuch и горяч.

И можно оглянуться на холст, который застенчиво спрятался у стены. Потрогать его руками. Потом забыть, потом опять вспомнить, взглядеться в его пустоту, откуда предстоит извлечь очень нужное, даже необходимое нечто, которое пока видишь только ты один, а потом увидят все, хотя это и нужно лишь тебе одному.

Отвернуть холст к стене. Попытаться забыть о нем, пусть стоит себе, а потом вдруг не выдержать и опять нырнуть в его девственное нутро — тут можно нежиться, как Господь в облаках, где каждая капелька вод ведома только Ему одному.

Приятель, узнав новость, торжествовал. Он помогал покупать холсты и краски, собирать справки. Сын радовался новым джинсам, жена переводила дух, а сам я почувствовал картину. Это всегда наступало не вдруг, не внезапно. Загодя (как эпилептик) я уже знал, что скоро смогу, наконец, ощутить тот восхищенный ужас, который охватывает каждого художника, когда тот смотрит на пустой холст, зная, что этот кусок бессловесной ткани можно оживить, дать ему быть и говорить. И музыкант сладостно замирает перед первым звуком. И скульптор ошарашено смотрит на глыбу. И царь в истоме озирает первый камень нового града. И писатель млеет над пахучим листом белой бумаги. Так, наверно, всякий маньяк с восхищением ужасается еще не содеянному.

И за всеми этими хлопотами я забыл о житейской мудрости, что цыплят по осени считают, а сейчас только начало апреля, и рано еще трубить победу и вопить «гоп», пока ничего еще не перепрыгнув, тем более, что всем известно: бедному жениться — ночь коротка.

3

Когда все необходимые справки и копии были налицо, я решил побыстрее отнести их моему спасителю. Был четверг, около трех пополудни, но я твердо помнил, что по четвергам все ведомства открыты допоздна, и счел нужным тотчас же исполнить задуманное.

По дороге я корил себя за лень: «Идти-не идти!.. Человек тебе помогает, а ты еще размышляешь!.. Он же просил занести поскорее!.. Ленивая, неблагодарная тварь!..»

Постучал.

— Да! — коротко донеслось изнутри.

Когда я вошел, то сразу увидел, что возле г-н Лебеда, с краю его стола, сидит, ссутулившись и склонив плешивую голову, Herr Krebs, г-н Рак из ведомства по иностранцам — именно он обычно продлевал мне визы.

Мы ошарашено уставились друг на друга.

— Вы знакомы? — спросил г-н Лебедь.

— Да, я у... у господина... получаю визы... — оторопело ответил я, от полной неожиданности забыв его фамилию, но тут же попытался независимо осведомиться: — А вы что, теперь здесь будете работать?..

— Г-н Рак стажирруется у нас, — ответил за него г-н Лебедь, а Рак все смотрел на меня через очки своими водянистыми глазами.

О нем говорили, что он очень любит по многу раз гонять за разными справками красивых иностранок от пятнадцати до сорока пяти лет, всякий раз наслаждаясь их растерянностью, горячими мольбами и слезливыми просьбами и плотоядно осматривая жертву, которой некуда деться без визы. Спасибо тебе, Господи, что не сделал меня женщиной!.. Нелегко, должно быть, ощущать себя не человеком, а куском мяса, какими-то губо-сисько-ляжками, куда всякий гад стремится внедрить свою похоть.

— А что вы тут делаете? — наконец, спросил он, сильно упирая на «вы».

— Принес документы, — бодро ответил я, выкладывая бумаги.

— Он с марта получает социальную помощь, — пояснил г-н Лебедь.

— Вот как... Как же это так?.. — неприязненно блеснул очками г-н Рак.

Я беспечно пожал плечами:

— Приехала семья, стало трудно жить...

— Что семья приехала — я знаю, — значительно прищурился он. — А вот кто пригласил семью?

— Академия.

Г-н Рак зловеще хмыкнул, не глядя на меня:

— Академия?.. — И замолк.

— Я приду к вам через две недели, — добавил я.

Он неопределенно кивнул плечью:

— Милости просим.

Г-н Лебедь молча наблюдал за нами. Отдав ему бумаги, я спросил, не надо ли еще чего. Он ответил, что мой телефон у него имеется.

Спускался я по лестнице с противным чувством, как будто только что повстречал какого-то вредного гада.

«И что ему, проклятому, надо тут, в это время?.. Он же должен быть у себя?.. Они ведь тоже по четвергам работают до шести?.. «Стажировка», — сказал Лебедь. Сомнительно... Да он просто сидел и ждал меня!..» — осенило вдруг. Но тут же я осознал, что этого никак не может быть, потому что я сам не знал, понесу документы сегодня или завтра. Не мог же он там целыми днями сидеть?.. Да и зачем такое подстраивать?.. Все ведь и так в их полной власти, к чему еще хитрить и напрягаться?.. Надо только выждать, а потом брать жертву в самом узком месте, где двоим не разойтись. Это — как вылет в аэропорту: велика страна, а приходит миг, когда твой багаж ползет сквозь «телевизор», твое лицо сличается с паспортом, в твои карманы тычется щуп, а сам ты шагаешь в узкие ворота спецконтроля, навстречу охране, ждущей сигнала, чтобы наброситься, обыскать, распотрошить, арестовать, отправить в тюрьму, распять, наконец!..

Приятель, когда я сообщил ему об этой встрече, пожал плечами:

— Ну и что тут такого?.. Чиновники ходят по ведомствам. Может, и стажировка. Ты говорил когда-то, что у тебя с этим Раком хорошие отношения?

Отношения складывались неровно, раз даже был конфликт — он никак не хотел вписывать сына в мой паспорт. Но я, по доброй привычке, понес ему коньяк, пару сувениров и счел отношения завязанными, хотя приятель и предупреждал, что в Германии чиновников лучше не подмасливать и улещивать, а пугать начальством и жалобами — лучше действует:

— Место тут дороже денег, оно само — деньги и безбедная жизнь до старости. Вдруг ты прав — тогда начальник будет недоволен. А коньяк и сувениры любой и сам себе купить может. И учти еще: если чиновник видит, что ты пришел с подарком, он обязательно думает, что у тебя что-то не в порядке, с чего бы это тогда тебе нести?.. Он начинает копать, что-нибудь всегда находит, и тогда ты коньяком уже не отделаешься!..

— Тебе с немецким паспортом легко говорить — пугай начальством!.. А я?.. Какие у меня права?.. Кого я могу напугать?.. Да притом у нас всегда было принято идти с бутылкой или конфетами, прав ты или виноват!

— Так это там, в Совке, а тут не так. Ладно, abwarten, подождем. Хуже не будет.

— Это точно.

Но все равно — сколько я ни внушал себе, что причин и поводов для паники нет, неприятные мысли не оставляли меня. Беспокойство нарастало. Я загодя купил марочный коньяк и сувенир хорошей работы. Потом не выдержал и решил позвонить г-ну Раку, узнать, когда приходить.

— Когда угодно, в любое мое рабочее время, — был ответ.

Вечером я начал картину и несколько дней провел, как сомнамбула. Я решил писать Голгофу, не подозревая, что голгоф бывает множество.

Вначале я покрыл холст голубым небом и желтой землей, жирными обильными мазками. Дал им высохнуть. Собрал на улице песок, насыпал его бугорками на холст, на желтую землю, залил прозрачным клеем и в это месиво всадил три креста, сбитых из старой рамы.

Вокруг крестов поместил раковины-охрану, с шипами и иглами, как и подобает римлянам. Ниже разбросал битую розоватую пемзу и среди этих валунов — народ из винтов, болтов, гаек и зерна.

На небо кинул пряди шерсти, раздвинув их на манер девичьей челки — «и разорвалась завеса надвое...» Добавил темной краски в эти мягкие облака, а в угол холста всадил яркий осколок зеркала — солнце.

Все это опять обильно залил прозрачным клеем и отложил сохнуть. Потом можно будет красками дописать рельеф, хотя с некоторых пор мне стало казаться, что предметы правдивее краски и не нуждаются в ней. И жизнь не только лучший рассказчик и фантазер, но и главный художник. И вряд ли желтая краска химзавода может быть сочнее желтизны спелого зерна или зеленая — ярче изумруда.

День, когда я пошел продлевать визы, начался плохо с утра: я уронил будильник и наступил спросонья на телефон. У дверей ожидали два плохих письма. На улице встретился сосед, который любезно сообщил, что им послано в полицию уведомление, что у нас бывает слишком шумно, а он, как и все порядочные люди, ложится спать в десять часов. На остановке ни с того ни с сего раскрылся портфель и все бумаги вывалились наружу; собирать их пришлось под любопытными взглядами прохожих зевак. В автобусе оказался контролер, около самого ведомства тусклая кошка перебежала мне дорогу, хотя бродячих кошек я тут не встречал. А зал ожидания оказался забит сербо/хорвато/боснийцами, так что шум, гам и дым стояли коромыслом.

Я взял номерок. Наверняка 13.

Через некоторое время металлический голос вызвал меня. Я поплелся к нужному окошку, стараясь ступать как можно тише.

Здороваясь, г-н Рак как-то странно, с сожалением поморщился.

— Вот паспорта, вот письмо из Академии, вот счет из банка, вот медицинская страховка, — выложил я бумаги.

Он взял их, мельком проглядел и оловянно уставился на счет из банка.

— Ого, у вас целых полторы тысячи! — усмехнулся он. — Sozialamt перечислил?.. Ясно... Странно, очень странно, — после значительного бумажного шелеста произнес он и удобнее уселся в кресле. — Значит, Академия приглашает вашу семью?.. Это очень хорошо. И одновременно она не обеспечивает вас минимумом, перекладывает это на плечи государства?.. А вот это уже плохо. Очень плохо... — повторил он. — И вы бежите в Sozialamt. Как это понять? Если Академия не может вас обеспечить — то пусть уж и не приглашала бы, а?.. — И он торжествующе вбуравился в меня.

Я проглотил язык. Вопрос предельно ясен и логичен: виз не будет, если Академия не обеспечивает должный заработок, а она не обеспечивает, потому что я ограничен в часах, да к тому же работать еще где-нибудь, кроме Академии, мне строго запрещено. И нехитрый вывод напрашивается сам собой. Без предупреждения меня начали прибывать к кресту вниз головой.

А г-н Рак, забрав бумаги и паспорта, с ворчаньем ушел меж столов за таинственную перегородку, где начал клацать железными ящиками, шуршать бумагой и хлопать печатями. Пока его не было, в голове у меня плавали какие-то темные амёбы, одна чернее другой. И замкнутый круг с неизбежным выходом вон чудился мне...

Потом он вернулся.

— Г-н Рак, я не знал, что это... проблемы... Если так — то так, я, конечно, ничего не хочу... — начал косноязычно объясняться я.

— А на что вы будете жить, позвольте узнать? — спросил он, стоя и сверху рассматривая меня.

— Да мы можем жить и без помощи... — попытался заверять я.

— Э, нет, так не пойдет. Бродяжничать и голодать мы вам не позволим. Закон не позволит, — торжественно уточнил он. — Закон выше нас. Нет, так не пойдет. Как же это вы можете жить, если пошли в Sozialamt?.. Как это понять?.. Значит, вы там ввали?.. Обманывали?.. Я видел там вашу папку, читал ваше заявление. Там все сказано ясно и точно — денег нет, жить не на что, помогите. В этой ситуации Германия не может содержать целую семью без всякого статуса. Это тоже вам, надеюсь, ясно?.. Наше государство — не богадельня и не приют для безработных, тем более, что своих предостаточно, с ними бы разобраться...

— А Familienzusammenführung?.. — с трудом выговаривая громоздкое слово, ухватился я за соломинку, не понимая, что она может оказаться тяжелей свинца.

— А воссоединение семьи?..

Г-н Рак хищно блеснул очками.

— А Familienzusammenführung очень хорошая вещь, но произвести это объединение нужно не тут, а по месту постоянного жительства, там, где вы все прописаны, ясно?.. Да вся ваша работа тут — фикция, вы даже налогов не платите, насколько я осведомлен...

— Потому что получаю мало, — сник я, понимая, что и этот аргумент только ухудшит положение.

— Я не виноват. Не я вас приглашал. По нашим законам вам не положено находиться на территории Германии, — не меня выражения лица и чеканя слова, произнес он и внушительно качнул плешивой головой. — Этот вопрос я сам, без начальства, решить никак не могу. Сейчас начальника нет, он в отпуске, приходите потом. — Он помолчал и неопределенно махнул рукой. — Вот, тут визы на месяц, а там видно будет. Безобразия!..

И он, бросив паспорта, в которых серели какие-то жалкие бумажки, вызвал в микрофон следующий номер, не слушая моих просьб рассказать ему «всё» и не замечая взглядов в сторону пакета, где угадывались контуры бутылки:

— Потом, у начальника это «все» расскажете, чего два раза беспокоиться. Да и что там рассказывать?.. И так все ясно. А это уберите, а то я сейчас в полицию позвоню!..

Ничего не оставалось, как выйти. Все klar und logisch. Ясно и логично. Доводы вески и справедливы, а факты — тяжелей камней и тверже гранита.

В ошарашенном состоянии, ничего не видя и не слыша, оказался я у г-на Лебеда, который без особого удивления выслушал мой сбивчивый рассказ и ответил:

— Я считаю, что вам полагается помощь. Это мое мнение. Наше. Но ведомство по иностранцам выше нас. И вопросы виз решают он. Он — над нами, понимаете? — И Лебедь возвел глаза вверх.

— Но, все-таки, вы же знали, чем это грозит, почему же вы не предупредили меня?..

— Предупредить?.. О чем?.. Мы считаем, что вам полагается помощь. Мы делаем свое дело, а они — свое, — развел он руками. — Я хотел вам помочь. По нашим законам вам полагается помощь. И мы ее дали. А по их законам, по законам иностранного права, виз вам, очевидно, не полагается, и поэтому они не дают их вам. А зачем вам социальная помощь, когда нет виз?.. Вот и все. Они над нами. Они над всеми. Все зависит от них. Они выше всех.

— Но как же это так?..

— Вот так. И я ничего не могу тут поделывать, факты сильнее нас, — поднял он плечи, в третий раз отрекаясь от меня.

И тут до меня дошло, что еще долго и мучительно будут прибывать к горячему кресту, поить уксусом, ломать колени и плевать в лицо. И крестная эта мука будет куда дольше предыдущей, ибо сказать, что у тебя ничего нет, куда легче, чем доказать обратное.

4

Перед Пасхой люди ходят по магазинам, греются на первом солнце, рады весне. Я сидел дома. Никуда не тянуло, ничего не хотелось, ничто не радовало. От свинцовых мыслей и оцепенелой одури спасал только начатый холст — лишь этот кусок грубой материи еще не предал меня, еще не гнал по пыльной дороге, где зеваки, горланя, швыряют в тебя щебнем и финиками, бешеные женщины царапают и визжат, а охрана то и дело поддает бичами. И только один человек, сборщик податей, верный Левий Матфей, догадался утереть пот с Твоего лица. И вот уже толпа вокруг, повсюду, и где-то впереди брезжит белое пятно Синедриона, сидят обмотанные лентами саддукеи, колышутся перья на шлемах солдатни, блестят пряжки богачей, а дальше смутно видны два креста — третий Ты сам должен дотащить до места.

Когда я ставил холст лицом к стене, он обиженно надувался, как наказанный ребенок, это было видно по его горестной скособоченности. Тогда я поворачивал его к себе, и он, по-собачьи тычась в руки сырыми красками, начинал вбирать в себя весь гнет моих мыслей, и казалось, что земля на нем возмущенно вскипает, камни тяжелеют, облака шевелятся, небо дрожит, а осколок зеркала — солнце — наращивает свой блеск. Мне становилось легче, холсту — тяжелее, но он, словно понимая, что без этого нельзя, что только так он может ожить, прийти в мир, вбирал в себя весь ужас жизни, не протестуя, не артачась и не ропща. Вся живопись — это только история душ художников. Чем душа мощней — тем большей энергией напитан холст, тем жизнь картины дольше.

Два креста уже высажены в песок. Вокруг щерятся темные раковины с шипами. На шипы я насажал игл от шприцов. Раковины приняли боевой вид, как и подобает охране. Соорудил из проводов две фигурки и прицепил их к крестам, прибав для верности мелкими гвоздями. А вот третий крест не давал покоя: я то укреплял его на холсте, то снимал. Наконец, убрал совсем. Вот он лежит на полу, пустой. Я не раз перешагивал через него, каждый раз думая, что это грех, и все ленясь перенести в другое место.

Пришел приятель.

— Ты думал, я брошу тебя?.. Нет, ты плохо меня знаешь!.. Я друзей не бросаю в беде!.. Я буду драться до конца. Если этот Рак говорит, что у тебя нет прожиточного минимума, то надо сделать так, чтобы он появился.

Спрашивать его о том, что неужели он, с его опытом жизни, не знал о возможных последствиях походов в Sozialamt, мне не хотелось. Вздохнув и побросав кисти, я устало спросил:

— Как же это сделать?.. У Лебеда я доказывал, что прожиточного минимума нет, а тут — что есть?..

— Ну и что, не было — появился! Мы же сказали Лебеда — временные трудности. А сейчас опять все хорошо. Klar, logisch?..

— А сколько это — прожиточный минимум?

— Я думаю, примерно столько, сколько дал тебе Лебедь. Думай, что можно показать. Денег должно быть до полутора тысяч. Ты говорил, тебе платят в Ака-

демии два раза в год, гонорарами. Сколько это получится, если разбить всё на 12 месяцев?..

— Около 700 марок.

— Так мало? — искренне удивился он. Я пожал плечами. — Ладно, дальше, картины, сколько ты продал их за последнее время?

— Пять или шесть.

— За сколько?

— Около 4 тысяч все вместе.

— Квитанции есть?

— Можно найти. Я знаю, у кого работы.

— Знаешь, попроси покупателей датировать этим годом. Лучше разложить на год — больше получится в месяц. О, я считать умею!.. Так, 4 000 делим на 12... Хм, получается очень странная цифра — 333,33333... Ну ладно, плюсуем 333 к 700 гонорарным. 1033. Мало. Еще нужно.

— Может, организовать письмо от родственников жены, что они нам помогают, ежемесячно присылают столько-то марок? — пришла мне в голову идея.

— Отлично! — одобрил приятель. — Помощь от частных лиц акцептируется. Близкие родственники?.. Здешние?..

— Да, живут в Швейцарии.

— Это неплохо. А присылают что-нибудь?

— Нет.

— Может быть, они могли бы написать больше — тысячу, например?

— Не думаю, они боязливы. В пределах еще сокрут, выше — побоятся, я знаю их, это же еще все с налогами связано. Лучше попросить, чтобы они написали 300.

— Или 350. Или даже 380 — немцы любят точные цифры. А если этот проклятый Рак что-нибудь скажет, то ответить, что раньше тоже присылали, потом перестали (пошутить: «Вы же знаете, какие швейцарцы скупердяи!» — это немцы любят), а теперь, узнав о временных трудностях, опять начали присылать. Klar?.. Logisch!.. Еще бы немного наскрести — и порядок.

— А ты напиши справку, что берешь у меня уроки русского!.. — осенило меня. — В месяц — восемь уроков, за урок — 35 марок, вот и выйдет что-то около трехсот. Язык ты знаешь, доказать обратное никто не сможет. Раньше не брал уроков — а теперь берешь. Klar?..

— Logisch!..

— И правда, приходи заниматься, никогда не вредно.

— С удовольствием, — обрадовался он. — Теперь пересчитаем: 700 гонорарные + 333 картинные + 350 от родственников + 280 уроки = 1663. Все, сумма есть!.. Остальное — детали. А в разговоре с ними во всем вини меня, что я повел тебя в Sozialamt, ты не хотел, да это так и было. Ясно?.. Я их не боюсь!..

— Да ты уж конечно, — завистливо сказал я.

Он сел писать справку, а я позвонил родичам жены, объяснил им, в чем дело, и попросил прислать на красивом бланке с печатями нужную бумагу. Подумав, они согласились. Осталось найти покупателей картин. Это было сложнее, но возможно. Надо было еще поговорить в Академии на тот случай, если противный Рак начнет туда звонить, что вполне можно было от него ожидать. Этого разговора я опасался, думая, что всей этой историей подвожу человека, сделавшего мне столько хорошего. Но разговор прошел просто и легко. Мой профессор сказал, что с такими вещами он уже сталкивался, и объяснил, что Ausländeramt следует негласным указаниям — урезать, где можно, вот и все. Главное — не тревожить государство. Потом он заверил меня, что если будет запрос, то будет и ответ, и что для художников, кстати, есть особые визы, только об этом мало кто знает, и если понадобится, то можно и узнать — он-то Ausländeramt'a не боится!.. Это

придало мне бодрости: конечно, *Ausländeramt* силен, но есть и другие силы (земные и небесные), на которые можно положиться, а там — что Бог даст.

Собрав все справки и квитанции, я начал звонить г-ну Раку, но трубку не брали. Потом выяснилось, что он болен.

Дело шло к Пасхе. Наконец, я дозвонился. Поздравив его со Светлым праздником, я попробовал еще раз:

— Может быть, мы могли бы решить мои обстоятельства между собой, сами?.. Ведь никакого криминала нет, вы же видите, просто я не знал законов и сунулся не туда, куда следует. Были временные трудности, теперь их нет, все хорошо. Я попросил родственников помочь мне. У меня есть все бумаги...

— Быстро же вы их собрали!.. — язвительно усмехнулся он.

— Как вы просили. Может, все-таки встретимся, выпьем пива, поговорим?..

— Пива я не пью. Да и разговаривать нам не о чем, — отрезал он.

— Вы же видите, все чисто, я так или иначе собирался вам все рассказать, — продолжал я заклинять его. — Даже если бы мы случайно не встретились в *Sozialamt*'е, я бы и так вам всё рассказал...

— Мы бы и так всё узнали, — вставил он.

— Тем более. Вы же знаете, что я не разбойник, не бандит и не курдский террорист. Я художник, вреда людям не приношу, учу детей рисованию. Уже столько лет вы продлеваете мне визу, и всегда все было в порядке, но тут я просто испугался временных трудностей, впал в панику и пошел туда, куда *иносранцам* ходить не полагается. — (Я специально сказал *Scheissausländer*, чтобы ему стало приятно). — А теперь я все понял. Больше не буду.

Он ответил:

— Нет, дело уже у начальника. Приходите в пятницу, утром, часов в девять. Я тоже буду там, — вдруг добавил он, и что-то в его голосе меня ободрило, хотя его присутствие ничего хорошего не сулило, даже наоборот.

— Вы уже послали запрос в Академию? — спросил я.

— Это не имеет значения. Извините, меня ждут. Поговорим в пятницу.

И он повесил трубку.

После этого разговора я поплелся к г-ну Лебедею. Он так же bravо сидел за столом. Двери в смежные комнаты были закрыты.

После пожеланий счастливой Пасхи и хорошего послепасхального отдыха, я сообщил:

— Я должен отказаться от помощи. Нормальная виза дороже денег. Я справлюсь. Как писать заявление?..

Он повел головой с безупречным пробормотом:

— Пишите просто — отказываюсь от помощи, и все. — Он принялся расставлять возле лампы игрушечных солдатиков. — Но я еще раз должен сказать вам, что, по нашему мнению, вы на данном этапе имеете право на временную помощь. Мы приняли решение, за которое отвечаем. У нас свои критерии отбора, но у *Ausländeramt*'а свои. И если вы так твердо решили отказаться, то пишите... — Он пожал плечами.

— Что же мне делать?.. Мне, *иносранцу*, бороться с *Ausländeramt*'ом?.. Как?.. Вы же понимаете, чем это чревато?.. Вы же сами сказали, что они наверху, даже выше вас, а уж выше меня — и подавно!

— Понимаю. Все понимаю. Поэтому идите сейчас в кассу и возьмите деньги за этот месяц, чтоб у вас было немного воздуха, — сказал он. — А заявление оформим задним числом.

Мне стало приятно его участие:

— Спасибо.

Потом я посетовал на слепой случай, который свел нас с Раком у него в кабинете. Г-н Лебедь поднял одну бровь, но промолчал.

— А правда, что вы все равно послали бы информацию в Ausländeramt?.. — спросил я, как будто это сейчас могло иметь какое-нибудь значение.

— Все связано компьютерной сетью, — уклончиво ответил он. — Дело времени. Но знаете, может, это и к лучшему, что вы всего два раза получили деньги. Они должны это учесть.

— Учесть? — насторожился я. — А что, вы думаете, они могут не дать визы?..

Лебедь поднял другую бровь:

— Всё можно ожидать.

— Этого еще не хватало!.. Значит, вышлют?..

Лебедь молча пожал плечами (за которыми сейчас мне уже не виделось белых крыльев — если и было что-то белое, то в балахоне и с косой).

— Почему же вы не говорите людям сразу, чем все это грозит?.. — обиженно сказал я.

Г-н Лебедь криво поморщился:

— Что же, по-вашему, я должен был вам сказать — вот вам деньги, но знайте, что вас будет преследовать Ausländeramt?..

— Почему бы и нет?.. Пусть лучше человек сразу узнает, что к чему, чем вот так, как со мной... Так же намного честнее.

— У нас не детский сад, у нас демократия. Как я могу лезть в чужие дела?.. Я не имею на это права. И притом я от всей души хотел помочь вам. Мне нравятся ваши работы. У меня дядя тоже художником был, я знаю, как это бывает... — вдруг добавил он. — Я хотел помочь.

Я промолчал, но подумал опустошенно: что это за помощь, когда одной рукой тебе дают хлеб, а другой заносят меч?..

В лифте я уныло рассматривал гордую табличку *THYSSEN*. Сейчас она казалась мне зловещей и холодной, и я со злобой пнул железную стену, а потом грубо пробился сквозь толпу у лифта, где маячили луковки китайцев, какие-то худые женщины с крикливыми детьми и тип с татуировкой на испитом лице — фиолетовый паук заткал лоб и щеки синей паутиной.

Я брел по оживленной улице, но ничего не видел вокруг. В уме рисовался начальник Ausländeramt'a. Я плохо себе представлял, каким он может быть, но был твердо убежден, что ничего хорошего ожидать не следует. Проносились образы наших начальников — замкнутые, холеные, угрюмые, полные желчного величия и жесткой власти. Шутки с ними плохи. И не было никаких оснований предполагать, что этот начальник всех *иносранцев* будет лучше или добрее. Да и месткомов-профкомов тут нет, чтобы жаловаться. Вышвырнут, как котенка — и дело с концом.

Так думал я, готовя плечо для ноши, с которой предстояло тащиться дальше туда, где белое яйцо Синедриона уже треснуло, распалось, только лиц пока еще не видно. Решение принято и обжалованию не подлежит. На земле, во всяком случае.

А ночью пришли два демона-голоса. Один, высокий, черный, худой и зобатый, мысленно спросил у меня:

— [Ну, скоро домой?]

Другой, низкий, толстый, синий и ушастый, молча осматривал холсты, прядая ушами.

— [Судьба решает, не ты!] — отважился ответить я, хотя холодный пот прошибал меня насквозь.

Ушастый пошевелился — это ему не понравилось — визгливым фальцетом взвизгнул:

— [А что дальше?]

— [Оставьте меня в покое! Вы же знаете, у меня есть защита от вас!] — ответил я. Нельзя молчать, надо возражать. Эти голоса уже не раз наведывались ко мне.

— [Ишь ты, смелый какой!] — пробурчал зобатый, а ушастик, косясь на холсты, махнул лапой и стал частить:

— [Я тебя знаю, я тебя помню, я тебя запомню!]

— [Я тебя тоже!] — твердо ответил я. Обязательно надо настаивать на своем, иначе они одолеют.

— [Ах так? Тогда мы останемся!] — низко проговорил ушастый. — [Мы еще побудем! Побудем у тебя!]

— [Не побудете, твари!] — подумал я. С ними надо говорить грубо и нагло.

Меня бил озноб. При свете уличного фонаря я видел их темные морды. Они шушукались, готовясь к чему-то.

Тогда я схватил крест и поднял его. Тьма на холсте всколыхнулась. Стали отчетливо видны складки Лысой горы. Камни. Головы. Трещины земли. Иглы охраны налились лиловым. Слышен ропот толпы. Где-то горестно взревел осел. Низкопротяжно ответил верблюду. Истерично закудаhtала птица.

Я с размаха всадил крест в кучу пемзы на холсте. Свет от креста пополз клубами, точно желтый газ. И все начало растворяться в нем. Я юркнул под одеяло.

Лежа с головой под одеялом, я ждал. Потом, когда я мысленно спросил:

— [Ну, вы довольны, твари?]

— ответом мне была чистая тишина, не подвластная ни огню, ни тьме, а только грохоту и грому.

Проснувшись под утро, я вспомнил, что ту, первую фразу, которую произнес зобатый демон-голос («Скоро домой?»), я слышал как-то от местного старика-таксиста, которому, как оказалось, эти слова сказал сам Сталин, Йозеф Виссарионови-тшшь, — о Gott, выговорить бы! — когда обходил ряды пленных, после войны строивших здание МИДа в Москве. Среди них был и молодой тогда таксист, он успел подержать винтовку месяца два и попал в плен, скитался по лагерям, оказался в столице.

«Вот эту руку пожал, вот эту!.. — горячился старик и с восхищением тряс морщинистой пятерней, забывая о правилах движения. — Утром нас собрали, приказали срочно помыться, почиститься, одеться как надо, потому что должен был прибыть на инспекцию сам генералиссимус геноссе Сталин. О, как мы боялись!.. А русские — еще больше, чем мы!.. «Чашка-ложка, давай-давай, чиста-чиста, начальник, ёб твоя мать, хлеб, соль, кушать» — это я хорошо помню по-русски!.. Все бегали по зоне, как будто им перцем задницу натерли!.. Наконец, приехал Сталин, обошел ряды и пожал мне — одному мне из всех! — руку, вот эту руку!.. — опять затряс он кистью. — А потом сказал: «Хорошо поработали, товарищи! Что, скоро домой?..» О!.. О!.. Это был великий день!.. И это был великий человек!.. Я всегда шучу — самыми счастливыми годами моей жизни был русский плен: там я ел борщ и хлеб, много не работал и даже иногда ходил в гости к русской женщине, Наташе, — чего еще человеку надо?..»

5

Утро в пятницу было сумрачное, сырое. Туман ходил слоями. Мы с приятелем молча доехали до Ausländeramt'a. Я вылез, как из тюремного воронка. С лязгом захлопнулись двери.

— Nun gehen wir! Идем! — сказал приятель нарочито бодро.

Мы сели в зале ожидания. Вокруг в гробовой тишине, как будто рядом тяжелобольной или покойник, сидели негры, китайцы, арабы, персы, албанцы. Молча встречали и провожали глазами тех, кто выходил из-за зловещей двери: завидовали тем, кто визу получал, и сочувствовали выходявшим без визы.

Потом мы подошли к окошку, где виднелась плешь г-на Рака. Он допрашивал толстую негритянку. Мне вдруг показалось, что это та самая, которую я раз уже видел у кассы в Sozialamt'e.

Тут я встретился глазами с г-ном Раком.

— А, вы пришли... — сказал он так, словно мы могли не прийти, и, бросив свою жертву, ссутулившись, встал. — Пойдемте!

Лавируя между столами, мы пошли за ним и оказались в небольшой уютной комнате. За столом сидел молодой улыбчивый круглолицый человек. Он приветливо поздоровался и указал на кресла возле стола.

Г-н Рак с папкой в руках склонился в сторону начальника:

— Вот... — начал он.

— Я... — тоже начал я.

Одновременно заговорив, мы так же разом замолкли и растерянно взглянули друг на друга. Это было смешно. Приятель засмеялся. Улыбнулся и начальник. Рак сделал кислую мину.

— Пожалуйста, рассказывайте, — сказал он мне.

Я был краток:

— Пять лет я работаю тут, и никогда не было никаких проблем. Но в связи с приездом семьи возникли временные трудности, временные...

— Это бывает у всех, — вставил приятель.

—...я запаниковал и по совету моего товарища обратился не по адресу, в Sozialamt. Спросите у него! — указал я на приятеля.

— Да, это моя вина, — поспешил заверить тот, — моя ошибка, mea culpa, как говорят, я его повел, он не хотел идти, ему было неудобно. Он же художник, сам бургомистр его выставку открывал, он очень хорошо рисует, с художниками бывает такое — застой или музы нет...

Начальник кивнул на монитор. Г-н Рак, согнувшись, набрал нужный номер. Они принялись всматриваться в мигающий экран. Время от времени г-н Рак на что-то указывал, начальник кивал. Потом он оторвался от экрана:

— Все правильно. И чего же вы хотите?

— Я?.. Мы?.. Ничего, кроме виз, чтобы жить и работать дальше, — ответил я и положил на стол паспорта, из которых торчали временные справки.

Начальник посмотрел на Рака. Тот возмущенно оскалился:

— Как это?.. Как это они могут жить, если в Sozialamt побежали?..

— Ошибочный адрес и временные затруднения, и больше ничего, — поспешно парировал я. — С кем не бывает?.. Вот, тут у меня бумаги: проданные картины, частные уроки, помощь от родственников... — указал я на мешок.

— Г-н Рак, можно есть хлеб с маслом, а можно и без него. Тут просто случилось недоразумение, да еще по моей вине, я увидел, что у человека временные трудности и решил сходить с ним в Sozialamt, так, просто спросить, а они вдруг дали: сказали — он хороший художник, пусть сидит и рисует, поможем, а потом он отдаст. Это я повел его туда, он вовсе не хотел идти. Он всего один раз взял там деньги, если надо — отдадим, я лично отдам, и все. Я сказал ему — пойдем, зайдем, спросим, а он не хотел, стыдился даже... У художников бывает такое, когда не продается, не рисуется...

Видя, что Рак возмущенно выпучил глаза и что-то хочет сказать, я упредил его:

— Тот минимум, который нужен семье, есть, это я могу доказать. — И вытащил из мешка бумаги. — Действительно, это просто досадное недоразумение.

Начальник в этот момент кончил изучать паспорта, мельком, но цепко проглядел бумаги, вздохнул и сказал:

— Сделаем так: вы откажетесь от социальной помощи, а я дам вашей жене разрешение на работу. Пусть работает.

Все пораженно замолкли. Рак уставился на начальника, а я ощутил, как ангелы спешно извлекают гвозди из прибитых ладоней, подносят воду, утирают смертный пот и смазывают раны.

— Как?.. Разрешение на работу? Arbeitserlaubnis?.. — переспросил приятель, пнув меня под столом ногой.

— От помощи я уже отказался, можете спросить у г-на Лебеда, — опешил я, не совсем понимая, что происходит. — А... визы?..

— А визы и разрешение г-н Рак выдаст вам, как только вы принесете бумагу из Sozialamt'a об отказе. Он все оформит.

— Ну, тогда по обычаю, с праздником всех! — ошалело полез я в мешок, извлек оттуда сувенирный кинжал и положил его поверх бумаг. — От чистого сердца!

— О, красиво! — оценил начальник.

Он осторожно извлек кинжал и стал его осматривать. Г-н Рак, видя это, тоже близоруко вытянул свою плешивую грифью башку и начал трогать ножны скрюченными пальцами:

— О, gut! Sehr gut!

— А это коньяк, — поставил я перед ним заветную бутылку. По коробке было видно, что коньяк хороший. — Прошу вас, сувенир, на праздник!

— О, gut! — взялся он за картон.

Все заулыбались. Пасха спасла.

— Огромное спасибо, всего доброго, всего наилучшего, не будем вас больше задерживать! Nun gehen wir! — поднялся приятель.

Мы попрощались с начальником и пошли обратно, сквозь столы и компьютеры, к выходу. Г-н Рак, не забыв своего коньяка, шагал рядом и говорил:

— Сейчас я вам дам визы на год, идите на биржу труда, в Arbeitsamt, становитесь на учет и ищите работу для жены. — Он выглядел подобревшим.

Миновав арабов-персов, которые с собачьим любопытством посмотрели на нас, мы спустились по лестнице. Приятель подмигнул:

— Это больше, чем я мог ожидать. Ты понимаешь, что случилось?

— Не совсем.

— А то, что он дал твоей жене возможность работать!.. Теперь она сможет работать!.. Люди годами добиваются этого, а он взял — и дал!..

Мы бодро вышли наружу. Мне как-то не верилось, что всё так скоро и удачно закончилось. На улице мне показалось, что стало светлее и птицы загомонили громче, очевидно, вспомнив, что пришла весна и Христос воскрес.

— Воистину воскрес! — вслух сказал я, перекрестился и троекратно поцеловался с Левием Матфеем.

Дома был праздник. Жена воодушевленно мечтала о будущем, сын строил свои планы, а мы отправились в магазин, где и закупили реек, из которых допоздна мастерили рамы. Вспоминали начальника, какое у него хорошее лицо и как он быстро и мудро все решил, не мучил, как противный Рак, а сразу все понял и расставил по местам.

— Сразу видно — хороший человек, — говорил приятель. — А как Рак перед ним изгибался!.. Умный начальник!.. Люди годами ждут Arbeitserlaubnis'a, а он — взял и дал. Недаром говорят, что Ausländeramt выше всех!..

— И правильно, так и должно быть, — горячо поддерживал я его (когда крест сброшен, говорить легко и просто).

— Конечно. А то представляешь, сколько всяких проходимцев сюда приползет? — говорил приятель. — Если всем разрешение на работу давать, то что же это будет?.. Безработица и так высокая, немцам работы не хватает, это же ясно. Демократия — демократией, порядок должен быть, Ordnung muß sein! — для убедительности добавил он.

А я пораженно вспоминал улыбчивого начальника — как он не похож на наших угрюмых обезьян в костюмах, вершивших под Лениным свои неправые суды!.. «Вот что значит демократия!» — говорил я себе, нанося клей на углы рам и сбивая их длинными гвоздями. Всё будто ожило во мне, и стал дорог каждый звук и цвет нашего прекрасного мира.

Мы решили не откладывать дел в долгий ящик и вскоре отправились на биржу труда, в Arbeitsamt. По дороге я несколько раз с умилением открывал паспорта и смотрел на визы.

И вот мы в белом кубе. Здание светлое и большое, окна во весь этаж, цветы, холлы, кресла, прозрачные двери и бесшумные лифты (и тут трудится великий *THYSSEN*, честь и хвала ему, неутомимому!). О таких дворцах из стекла и алюминия грезил Фурье и мечтал Сен-Симон. Назывался дворец коротко и властно: Arbeitsamt! Хвала труду!

Мы с благоговением приблизились к стойке и подобострастно спросили, куда нам следует идти.

Возле нужной двери на табличке стояло: «Dr. Hecht».

— Вот тебе и раз — Dr. Hecht, д-р Щука! — удивился приятель. — Лебедь рак да щука, есть, кажется, такая басня? — А мне вдруг стало холодновато, как будто где-то открылась щель и потянуло могилой, ибо мораль сей басни была мне хорошо известна. Я поёжился и через силу постучал.

— Прошу!

Очень ухоженный человек вежливо выслушал нас, посмотрел на отметку в паспорте жены, вздохнул и вернул паспорт:

— Могу я полюбопытствовать — какая у вас виза?

— У меня? — переспросил я.

— Да, у вас. Бессрочная?

— Нет, обычная, годовая, — я подал ему мой паспорт.

Он бегло взглянул в него, потом взял с полки брошюру ядовито-красного цвета и, отчеркнув какой-то абзац, повернул ее ко мне, попутно объясняя:

— Мне очень жаль, но ничего не получится. Если бы вы имели бессрочную визу, то еще можно было бы попытаться, но раз у вас не бессрочная, а простая виза, то подать заявку на получение разрешения на работу ваша жена может только через год.

— Как это — подать заявку? — удивился приятель. — Разве в паспорте нет разрешения на работу?

— О, нет! — торжественно сказал д-р Щука. — Это всего лишь снятие запрета. Вот, прочтите, что тут в штампе: «Arbeitsaufnahme nur mit gültiger Arbeitserlaubnis gestattet» Это — только снятие запрета. До разрешения еще далеко! Только через год, раньше — никак! — Он развел холеными руками. — Закон, ничего не могу сделать. Искренне сожалею. Очень жаль.

— Значит, только через год она может подать заявку? — ошарашено спросил я.

— Да. Для этого вы должны найти работодателя, который согласился бы взять вашу жену на работу. — (Не глядя, он достал еще одну брошюру, теперь ядовито-зеленого цвета, и положил ее передо мной.) — Работодатель должен заполнить анкету и прислать ее нам. И только тогда дело может быть принято к рассмотрению.

— А от чего зависит исход дела? — спросил приятель.

— От многого, — философски развел руками д-р Щука. — От состояния на рынке труда — в первую очередь мы предоставляем работу немцам, потом гражданам ЕС, а уж потом — всем остальным. От процентов безработицы. От количества заявок. От уровня занятости. Словом, от многого.

— Значит, не исключен и отрицательный ответ?

— Разумеется. Кстати, позвольте спросить, какая профессия у вашей жены?

— Она врач.

Д-р Щука с искренним сожалением посмотрел на меня:

— О, это, конечно, прекрасная профессия, но она очень осложняет дело. Очень. Без апробации врачи не принимаются, это раз. Как иностранка она должна получить подтверждение своего диплома, его дает минздрав, а там свои правила, некоторые дипломы признаются, но большинство отвергается. Это два. Потом надо иметь строго определенное число лет учебы, это три. Для подтверждения диплома надо сдавать экзамен — это четыре. И еще разное...

— А медсестрой? — спросил я.

— Врач не имеет права работать медсестрой. Притом для этого спецкурсы надо окончить, трехлетние.

— А в приют для престарелых? — спросил приятель.

— Кем, санитаркой?.. Для этого тоже нужны курсы. А без них — только помощником санитара, а это — самая тяжелая работа, и то шансов мало, 12% безработицы в этой сфере.

— А они там что, всего этого не знали? — спросил я, не находя слов и мотая головой куда-то в сторону.

— Каждый делает свое дело, — умыл д-р Щука руки за всех сразу. — Всюду свои законы.

— Да... — качал головой приятель.

— Приходите через год, раньше ничего сделать нельзя.

Онемело озираясь, я собираю бумаги в мешок.

А ночью приснился сон, как я хожу по базару и предлагаю купить мою отрубленную голову. Я несу ее в руках на рваной газете, ощущаю ее трепетное тепло, кровь сочится сквозь рваную и мокрую бумагу, веки еще вздрагивают, губы держатся, лоб идет морщинами. Все с безразличностью отворачиваются в стороны, а мне стыдно и обидно за ничтожность моего, никому не нужного, товара. И только встреченные в толпе старые знакомцы, демоны-голоса, смеются надо мной: зобатый с издевкой вопрошает, сколько стоит моя тухлятина, а ушастый приговаривает:

— [Тут ничего твоего не надо, я тебе говорил!] — тянется к голове, трогает лапой закрытые глаза, слизывает кровь со лба и когтем царапает мертвое ухо.

Когда я пришел к начальнику Ausländeramt'a, он сидел один и просматривал бумаги. Поздоровавшись и сев напротив, я рассказал ему о посещении д-ра Щуки. Он выслушал молча, потом сказал:

— По нашим законам вашей жене полагается разрешение на работу. Но я не могу его дать, я могу только снять запрет, что я и сделал. Разрешение дают они, по своим законам по труду. Они — над нами! — указал он пальцем в потолок. — Если они не дают разрешения — мы ничего сделать не можем. Arbeitsamt — выше всех. Слышали, наверное, анекдот: американец, француз и немец попали на Луну, американец первым делом построил бар, француз — публичный дом, а немец?..

— Тюрьму?.. — предположил я.

— Нет, Arbeitsamt!

Мы посмеялись.

— Попробуйте с ними договориться, — посерьезнел начальник. — Больше ничем помочь не могу, моя власть кончается там, где начинается их.

Его прямота подкупала. Я от души пожал его руку, подумав, что надо будет все-таки ради интереса спросить у д-ра Щуки, есть ли на свете что-нибудь выше Arbeitsamt'a?.. Может, Gottesamt?.. Ведомство по богу, божье ведомство? Или Teufelskreis, чертов замкнутый круг?

Открытый эпилог

И вот прошел год. Прибавилось седых волос, морщин на щеках, дыр в карманах, шрамов на сердце. Но пять готовых холстов стояли в затылок друг другу. Как взвесить все это?.. На каких весах?.. И есть ли такие весы?.. И стоит ли взвешивать?.. Ведь красота ни веса, ни цвета, ни запаха не имеет. Она так же неуловима, как и герои великих книг: кто знает, где сейчас Иван Карамазов? что поделявает Печорин? чем занят Фауст? как дела у Ромео и Джульетты? Они всегда живее всех живых, хоть и мертвее мертвых, потому что мертвые когда-то ходили по земле, а эти путешествуют только в умах людей.

Опять подходит Пасха. Визы истекают. Я один отправляюсь в Ausländeramt.

Г-на Рака там уже нет. Как выясняется, он перешел в более теплое местечко — в Sozialamt. Теперь стали ясны слова Лебедея: «Он стажирруется у нас». Конечно, уж там-то, в юдоли скорби, он развернется вовсю, будет сосать кровь из своих жертв долго, обстоятельно и вдумчиво. Впрочем, его, как известно, интересуют только женщины от 15 до 45.

На его месте сидит молодой стилинга с серьгой в ухе и с крестом на шее. Он жует резинку и что-то пришептывает в телефонную трубку, вороша игрушки на столе — весь обязательный чиновничий набор. Игрушки у стилинга повсюду: на мониторе, на компьютере, на шкафу, качаются на лампе, свисают с полочек. Просто ясли, детский сад.

«Хорошо, что новый», — думаю я, подавая ему паспорта и письмо из Академии. Не вставая, он отъезжает на кресле за ширму, роется в лягающих ящиках, привозит папки и начинает просматривать их. И, казалось, уже готов захлопнуть их и приступить к своим обязанностям, как вдруг взгляд его спотыкается о какую-то строчку. Он вчитывается в нее, потом хищно смотрит на меня:

— А где справки о ваших доходах?

— Какие справки? — переспрашиваю я его, прекрасно понимая, что он имеет в виду. Никаких справок у меня нет.

— А что делает ваша жена?.. Она работает?..

— Разве вы не знаете, что она только через год может подать заявку на работу? — усмехаюсь я. — Как же она может работать?..

— Если у вас нет стабильного дохода, если жена не работает, то и визы вы не получите. Вот так! — раздулись у него ноздри. — Ничего не знаю. Мне нужны справки о том, сколько у вас месячного дохода, без этого никаких виз не будет, — повторяет он, а я чувствую, как на мое плечо со всего размаху грохается крест. — Без них я не дам никаких виз, а то вы, чего доброго, опять за социальной помощью побежите...

И тут я понимаю, что в моем деле стоит что-нибудь вроде «Проверить вечно» или «Держать под контролем», что я в самом черном списке.

— Я не принес справки с собой, я не знал, что это нужно, — бормочу я.

— Столько лет тут живете — и простых вещей не знаете? — насмешливо смотрит он на меня. — Соберите и приходите после Пасхи. Будем разговаривать у начальника. Без него этот вопрос я решить никак не могу. Я плетусь вон.